

ЦКТИШВИЛИ Т. К.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Грузинский — единственный древнеписьменный язык в семье иберийско-кавказских. Документально засвидетельствованная история грузинского письменного языка берет начало в первой половине V в. н. э. Среди дошедших до нас самых ранних письменных памятников можно назвать: надписи в Палестинском грузинском монастыре (30-е годы V в.), в Болнисском Сиони (492 г.), в Укангорской церкви (V—VI вв.), в Атенском Сиони (VII в.) и др. Образцами древнейшей письменности являются и так называемые ханмэтные и хаэмэтные палимпсесты (содержащие в основном фрагменты библейских книг), Синайский Многоглав 864 г. (первая датированная рукопись), Четвероглавы: Адигский (897 г.), Опизский (913 г.), Джручский (936 г.), Ошкская библия (978 г.) и многие другие памятники IX—X вв. Палеография древнегрузинских надписей и других образцов письма [1, с. 235—236; 2—5], данные историографии [6—8], а также, — что особенно важно, — разработанность языка памятников V—X вв. позволяют высказать предположение о существовании более глубоких историко-культурных традиций грузинского письма.

За долгий период своего существования грузинский язык послужил основой самой разнообразной литературы: библейской, духовной, теологической, философской, исторической, юридической. Особое место занимают памятники художественной литературы (как оригинальные, так и переводные), отличающиеся высокой эстетической ценностью, начиная с первого текста — «Мученичество св. Шупаники» (475—484 гг.), кончая поэтическими и прозаическими текстами XVIII — нач. XIX вв. В целом рукописи отражают всю духовную жизнь грузинского народа V—XIX вв.

Довольно рано проявляется и интерес к изучению грузинского языка. Грузинские историки и писатели X—XI вв. (Иоанн Зосимий, Иоанн, Евфимий и Георгий Мтацмидели, Леонтий Мровели, Ефрем Мцире, Арсений Икалтвели, Иоани Петрици и др.) в своих сочинениях высказывали немало ценных соображений по истории грузинского языка и письменности. Особое внимание придавалось единству и чистоте литературного языка. По их общему мнению, для литературного творчества необходимо глубокое познание родного языка. А поскольку большую часть памятников того времени составляли переводные тексты, то требовалось совершенное знание и других языков.

Вследствие такого бережного отношения к родному языку и возникла необходимость в толковании и комментировании отдельных слов и выражений. Именно в этих изысканиях берет свое начало грузинская лексикографическая традиция.

В более ранних памятниках такие толкования давались в самом тексте; в этом отношении особенно характерны библейские книги. Например, в одной рукописи X в. толкуется греческое слово *iliktrion: da vixile, vitarca zilvaj iliktrionisaj, romel arn okroj da vecxli da rvali ertad šednobili* (Иезек

1, 27) «И видел я как бы *ilikṭrion*, что означает сплав из золота, серебра и меди»; в тексте сохранившегося в рукописи X в. («Толкование откровения Иоанна») встречаются такие объяснения: *ebraelebr ameni gamoitargmanebis: iqavn* (7b) «Еврейское слово *ameni* переводится „да будет“»; *da etosa ṡrubeli da irise, romel ars mšyldi cisaj berzulebr* (10, 1) «И были на нем облака и *irise*, что по-гречески значит: радуга».

Со временем заметки лексикографического характера (так называемые схолии) стали появляться на полях древних рукописей. В них для лучшего понимания текста разъясняются трудные слова и термины иноязычного происхождения, а также неологизмы. Например, редко употребляемое в древнегрузинском слово *kaṣṭabuli* толкуется так: *kaṣṭabuli saḡgeo ars, vinca kartveli iḡo, icode* (Sin. 36, 196 v) «*kaṣṭabuli* — это мера, кто грузин, тот пусть знает»; *miron itargmanebis surneleba* (A 1101, 181 r) «*miron* переводится как благоухание»; *mocikuli ḡarvlinebūlad gamoitagrmanebis* [Jer. 9, 157 r] «*mocikuli* толкуется как посланник» и т. д. Знаменательно, что нередко разъясняются также фразеологизмы и идиомы: *ḡovelsa šina šezm-nil, ese iḡi ars, ḡurtil da gansḡavlul ars* (A 390, 33 v) «Во всем искусен, т. е. опытен и всезнающ». Многочисленные примеры такого рода приведены в книге З. А. Сарджвеладзе [9].

Собранные вместе и расположенные в алфавитном порядке, эти глоссы составили бы словарь среднего формата.

Истинным основоположником грузинской лексикографии является выдающийся писатель, философ и ученый XI столетия Ефрем Мцире, которому принадлежит большая часть из традиционных толкований и комментариев слов. С исключительным языковедческим чутьем и умением исследует Ефрем Мцире значения лексем, снабжает их лингвистическими комментариями. Совершенствование и нормализация грузинского литературного языка, обогащение его лексики были постоянной заботой этого замечательного ученого [1, с. 114—145; 10, с. 117—122]. Суждения Ефрема Мцире по вопросам лексикографии весьма интересны и основаны на глубоких познаниях в этой области. Он был хорошо знаком с традициями греческой лексикографии, правильно понимал и определял сущность и значение словаря. «Вместе с этим надо знать, — пишет он, — что у греков есть такая традиция: они прилагают к книгам пояснения труднопонимаемых слов, расположенных в алфавитном порядке, что облегчает усвоение малопонятного текста, и это называется словарем. Они прилагаются к древним церковным книгам. Подобно грекам, я решил снабдить словарем и мои переводы» [10, с. 96—97].

Завершением лексикографических работ Ефрема Мцире явились его словари, которыми он снабдил два своих перевода с греческого текста: «Толкование псалтыря» и «Труды Псевдо-Дионисия Ареопагита» (он же Петр Ибер). Тем самым были по существу заложены основы грузинской лексикографии. С точки зрения теории лексикографии особенно важны принципы отбора им словарных единиц (для имени существительного — форма неоформленного падежа, т. е. именительного без окончаний, для глаголов — масдар, который функционально равнозначен инфинитиву). Масдар приводит он и в тех случаях, когда в тексте его нет, хотя даны соответствующие личные формы, например, в Псалтыри встречаются формы — *icṡnodian* «смеялись», *ecṡnin* «смешно ему» и т. д., словарной единицей каковых является масдар *sicili* «смеяться, смех», не засвидетельствованный в тексте, но подобранный самим Ефремом Мцире [10, с. 119].

Из ранних лексикографических работ следует отметить также «Грузинско-арабско-персидский словарь», составленный известным политическим деятелем Парсаданом Горгиджанидзе (1626—1696). Словарь отличает-

ся большой точностью найденных лексических соответствий и лаконичностью толкований.

Подлинная история грузинской лексикографии начинается с конца XVII в., когда было создано первое законченное произведение лексикографического искусства — Толковый словарь грузинского языка, основанный не только на текстах, представляющих грузинскую письменность на протяжении двенадцати веков (V—XVII вв.), но и на материале живой речи. Автором этого словаря является крупнейший грузинский писатель и мыслитель Сулхан-Саба Орбелиани, который работал над ним на протяжении тридцати лет. Охват лексики древнегрузинского языка произведен с большой полнотой — 25 тыс. слов. По сведениям С.-С. Орбелиани, грузины и ранее имели словарь, но «из-за роковых обстоятельств и народных бедствий он на сей день утерян... За неимением словаря, — пишет автор далее, — грузинский язык сильно пострадал и обеднел» [11]. Не раз высказывалось мнение, что словарь С.-С. Орбелиани являлся образцом для того времени и не уступал первому французскому академическому словарю. Благодаря богатству представленного в нем лексического и иллюстративного материала, а также исключительной точности толкований он сыграл большую роль в дальнейшем развитии грузинской лексикографии. Именно на него опираются последующие толковые и переводные словари таких известных авторов, как Нико Чубинашвили, Давид Чубинашвили, Иоанн Багратиони, Давид Багратиони и др.

Особенных успехов грузинская лексикография добилась за последние сорок лет. Достаточно назвать восьмитомный толковый словарь современного грузинского языка под общей редакцией А. С. Чикобава. В 70-е годы был опубликован документированный словарь древнегрузинского языка, отражающий лексику V—XI вв., составленный И. В. Абуладзе. Однако до самого последнего времени мы не располагали историческим словарем грузинского языка.

В 1963 г. было принято решение начать обширные работы по изучению и установлению академического текста шедевра средневековья — поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (XII в.) — в контексте древнегрузинской литературы. Была создана картотека цитат, извлеченных из самых разных по жанрам источников V—XIX вв. Идея картотеки принадлежит известному советскому востоковеду акад. Г. В. Церетели; к работе над ней были привлечены широкие круги специалистов. Расписью литературы ежегодно занималось 100—150 человек.

Крупнейшим хранилищем памятников древнегрузинской письменности и одним из ведущих центров их изучения является Институт рукописей им. акад. К. С. Кекелидзе. В настоящее время его фонд насчитывает свыше 10 тыс. грузинских рукописных книг, из них 720 рукописей, выполненных на пергаменте. Около четырех тыс. пергаментных листов, либо в виде вложений в манускрипты, либо в виде дошедших до нас разрозненных фрагментов являются палимпсестами V—X вв. В Институте имеется и собрание рукописей (четыре тыс.) на других языках. Здесь же хранятся 45 тыс. грузинских исторических и юридических документов, относящихся к XI—XIX вв. и около 60 тыс. других архивных единиц. Кроме того, имеются большие коллекции фильмокопий и фотокопий почти всех древнегрузинских манускриптов и исторических документов, находящихся в советских и зарубежных книгохранилищах. Опубликовано 30 томов каталога с описаниями рукописей. Вся эта разнообразная литература является базой вышеуказанной картотеки. Следует отметить, что сплошь расписаны особо важные древние памятники классического

периода: полный текст древнейшей редакции Библии (все книги Ветхого и Нового завета), оригинальные агиографические памятники (в шести томах), «Житие царицы Тамары», поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Тамариани», «Висрамиани», «Амирандареджаниани» и некот. др.

Наличие таких источников и столь обширной картотеки (она непрерывно пополняется и на сегодняшний день насчитывает свыше 5 млн. карточек) позволило принять решение об издании монументального исторического словаря грузинского языка в десяти томах, отражающего историю грузинской лексики начиная с самого возникновения письменности, с. V в. до первой четверти XIX столетия. По своей целенаправленности это подлинный тезаурус, где история литературного языка прослеживается с обязательной соответствующей документацией в хронологически непрерывной последовательности.

Мы полностью разделяем мнение, высказанное недавно в лексикографии, что «для каждой письменности важно найти свой оптимальный вариант исторического словаря или системы словарей, учитывающих особенности ее развития, состояния источниковедческой базы, характер карточных накоплений» [12].

Исходным положением подготовки словаря-тезауруса послужила следующая существенная особенность грузинского литературного языка: хотя на протяжении 1500 лет грузинский язык, естественно, претерпел ряд изменений в своей грамматической и лексико-семантической структуре, магистральная линия его развития оставалась неизменной. В этом аспекте грузинский язык консервативен — современному читателю тексты V в. в основном понятны по содержанию, с помощью же словаря он может легко понять смысл каждого предложения. Отметим, что создание такого словаря подготовлено самим развитием грузинской лексикографии, которая в достаточном количестве располагает словарями отдельных периодов языка: документированным словарем V—XI вв. И. В. Абуладзе, симфониями, т. е. словарями с учетом всех встречающихся слов в Четвероглаве (Новом завете) [13], в поэме «Витязь в тигровой шкуре» [14], палимпсестах [15]. Подготовлены к изданию симфония-словарь к грузинским оригинальным агиографическим сочинениям (V—XVIII вв.) и словарь лексемных основ грузинского языка (V—XI вв.). Большинство опубликованных древнегрузинских памятников снабжено обширными словарями. Таким образом, заложен фундамент для составления исторического словаря. Следует подчеркнуть чисто практический характер нашей картотеки: ею постоянно пользуются историки, этнографы, филологи, языковеды и представители других наук, по мнению которых издание ее ценнейших материалов крайне необходимо, тем более что существующие в других институтах картотеки древнегрузинской лексики не содержат полной информации о словах.

В связи с подготовкой словаря к публикации возникла необходимость конкретизировать и уточнить проблему содержания хронологических границ исторического словаря, что, в свою очередь, непосредственно связано с объемом и сроками его издания.

В европейской лексикографии, особенно XIX в., границы исторического словаря были размыты; в словари этого типа включались и диалектная лексика, и этимологии слов. Все это надолго растягивало сроки его издания. Как известно, немецкий словарь, основанный братьями Я. и В. Гримм, печатался более ста лет (1852—1960). Издание знаменитого Оксфордского словаря продолжалось 46 лет (1882—1928). Нидерландский

словарь публикуется с 1863 г., а работа над ним все еще не завершена [16, с. 268—272; 17; 18, с. 12, 13].

Принимая во внимание удручающе долгие сроки издания, некоторые лексикографы суживают программу исторических словарей и сводят их задачу лишь к изучению лексики литературного языка. Такое соображение впервые было высказано Л. В. Щербой: «Исторический словарь отражает историю лексики письменного языка, дает историю всех слов, причем фиксирует не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также и их видоизменение» [19]. Мы считаем, что указанную функцию исторический словарь будет выполнять тем успешнее, чем шире хронологический охват лексики.

Учитывая опыт современной лексикографии в области составления исторических словарей, мы исходим из следующих соображений: исторический словарь должен в полном смысле этого слова отражать историю письменного языка, дать историю лексики, биографию всех слов в ее непрерывной последовательности от древнейших истоков слова, от начала письменности до ее современного состояния. В этом плане кажется совершенно справедливым положение О. Н. Трубачева о том, что «насыщение исторического словаря сравнением с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой, а потому нежелательно. При всей относительности письменной фиксации, ее кодифицирование и адекватная интерпретация в филологических словарях документальной истории (исторических словарях) — дело огромной не только научной, но и общекультурной важности. История слова невозможна без исторического словаря, так же, как невозможна без него этимология» [20]. Ф. де Толленаре также по существу придерживается мнения, согласно которому этимология слов не является целью исторического словаря. К этимологиям должны обращаться лишь в том случае, когда это необходимо для установления значений [21, с. 99]. Такое понимание подразумевает четкое разграничение исторического и этимологического словарей. Вместе с тем восстановление и внесение в словарь потенциально возможных, но не подтвержденных источниками слов, как справедливо полагают, не должно входить в функции исторического словаря [22]. Словарь должен избегать гипотетичности и заполнения «пустых клеток». Конечно, мы не касаемся вопроса парадигматической реконструкции, к которому историческая лексикография вынуждена обращаться на каждом шагу, например, в случаях, когда на основании личных форм глагола в тексте дается заглавная форма инфинитива в словарной статье. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые не считают разработку этимологий слов задачей исторической лексикографии. Иногда историк-лексикограф прибегает к этимологическому анализу или опирается на существующие этимологические разыскания, но это, по нашему убеждению, является только средством для выявления направления семантического развития слова. Ф. де Толленаре справедливо указывает, что историк-лексикограф должен заниматься лишь «внутренней этимологией» [21, с. 99—101].

Словарь ставит своей задачей быть тезаурусом и охватить все лексические единицы (кроме собственных имен), зафиксированные в источниках: термины различных терминологических систем, многие специальные слова иноязычного происхождения, употребляемые учеными и писателями. Существует, однако, одно исключение — за бортом словаря осталась иноязычная терминология книг по медицине, которая по существу не освоена литературным языком.

Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке. Имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения) даются в форме им. падежа, глаголы — в форме масдара.

Наибольшую трудность в грузинской лексикографии представляет вопрос отбора словарной единицы, обобщающей совокупность глагольных словоформ; это обусловлено своеобразием грузинского глагола. Как известно, он является структурным ядром грузинского языка. По богатству формальных и изобразительных средств имя существительное значительно уступает глаголу, экспрессивное значение последнего велико — категории залога, версии, контакта вносят в глагольные формы как формальные, так и нередко — семантические различия.

В практике грузинской лексикографии применяются два принципа: 1) в качестве словарной единицы берется масдар, этот принцип внедрил акад. А. Г. Шанидзе; 2) словарной единицей глагола является 3-е лицо наст. времени. Так, по мнению А. С. Чикобава, богатство грузинского глагола отражается в том случае, если в качестве заглавной единицы глагола принимается личная форма (3-е лицо наст. времени) [23]. Оба принципа имеют, как известно, свои преимущества и недостатки.

Масдар не всегда засвидетельствован в текстах, его нередко приходится реконструировать как словарную единицу на основании личных форм глагола, в то же время некоторая часть глагольных форм вообще не имеет масдара. Формы 3-го лица наст. времени единого глагола различаются по залогу, контакту, версии и располагаются в разных местах алфавита. Возьмем, например, глагол *çera* «писать», для которого имеем разные формы: *çers* «пишет», *içers* «пишет для себя», *ucers* «пишет для другого», *açers* «пишет на чем-то». Налицо еще одно препятствие для составителей исторического словаря: в древнегрузинском очень редко засвидетельствованы формы настоящего времени, так что на каждом шагу мы были бы вынуждены допускать парадигматическую реконструкцию личных форм глаголов. На основе этих соображений для исторического словаря было признано целесообразным принять в качестве заглавной формы глагола масдар. В таком случае в словарной статье группируются все личные формы, которые наиболее полно отражают историю видоизменения глагола, в то время как личные формы рассеивают единые глагольные лексемы. (Кроме того, опора на последние неэкономична, так как они вызывают тавтологию пояснений.) Поэтому условно можно допустить объединение различных форм глагола одного и того же корня под одним масдаром.

Основным критерием выделения заглавного слова является семантическое тождество: все фонетические и орфографические варианты словарных единиц при наличии семантической идентичности даны вместе в единой словарной статье, например, *alaleba*, *alleba*, *alneba* «справедливо присвоить, отдать», хотя иногда приходится проводить и этимологические разыскания для уточнения фонетических соответствий одной семемы.

Явные заимствования, не требующие этимологических выкладок, сопровождаются их иноязычными соответствиями, например, груз. *aspiti* // *aspidi* «змея», ср. греч. *áspis*, *áspidos*.

Отдельно выделены прямые, переносные и фигуральные значения слов, даны и истолкованы фразеологизмы, идиомы. Показ лексики в широких хронологических рамках оказался особенно полезным в аспекте пояснения фразеологических и идиоматических единиц. Отчетливо выявились устойчивые обороты, для изучения которых исторический словарь предоставляет существенный материал, — выясняется, являются ли они собственно грузинскими, или созданы под влиянием других языков (кальки),

или же, наконец, являются универсалиями. В словарной статье мы стараемся как можно полнее отразить устойчивые словосочетания, в которых значение лексемы имеет сколько-нибудь особый оттенок (учитывалась классификация речений Х. Касареса [16, с. 182—257]). Так, в словарной статье *ambavi* «весть» выделено свыше 25 разных фразеологических единиц, большая часть которых сохранилась и в современном языке, а часть вышла из употребления (ср., например, *gamotyeбели ambisa* «мудромыслимый»; *davarda ambavi/ganepina ambavi* «распространился слух»).

Наиболее уязвимой стороной словаря является его объем, а также объем отдельной словарной статьи, который возрастает из-за обилия иллюстративного материала.

Иллюстративный материал, или документация, является основным источником характеристики словарной единицы и имеет существенное значение для понимания истории слова. Справедливо отмечает К. С. Горбачевич, что «примеры (цитаты и речения) составляют ту необходимую, органическую часть словарной статьи, без которой, по известным словам Вольтера, словарь становится скелетом» [24]. Для иллюстрации процесса семантического и грамматического видоизменения слов этот материал дается в непрерывной последовательности на каждом хронологическом уровне. Поэтому объем документации определяется биографией каждой отдельной лексемы: распространенность слова, частота его употребления; живет ли оно на всем протяжении истории языка или только на каком-либо отрезке времени; следует ли слово за языком от его истоков, или возникает в последующие периоды, или наоборот, если лексическая единица перестает существовать, то с какого периода начинается сужение его семантики, употребления и затем исчезновение? На все эти вопросы должен ответить исторический словарь. И он успешно выполнит эту задачу лишь при наличии в нем соответствующей документации. Особую осторожность следует соблюдать в семантизации распространенных полисемантических слов, которые сопутствуют языку на всем протяжении его истории, поскольку в этом случае возникает опасность накопления излишнего материала в пределах единого значения или же, напротив, утери значения при отборе материала. К малоупотребительным словам даны все примеры, даже если они и однотипны. По выработанному нами принципу, документация к разбираемому слову, к его значению дается большей частью в вертикальном, а не в горизонтальном разрезе для показа материала в непрерывной последовательности, однако из хронологического пласта (периода) исключается материал, не отражающий полноты значения или разнообразия грамматических форм. В начало словарной статьи вынесен числовой указатель частоты встречаемости слова. Большую экономию места дает указание на порядковые номера расположенных в алфавитном порядке заглавий текстов (например, в. Жит. Акт. 25, I указание на его порядковый номер 7, 25, I).

Значения слова даны в хронологической последовательности их фиксации, так что биография слова отчетливо видна на всем протяжении его существования¹. Составлена пространная хронобиблиография (указа-

¹ Х. Касарес выделяет несколько критериев расположения значений: эмпирический, генетический, логический и исторический, которые имеют свои преимущества и неудобства. В испанской исторической лексикографии придерживались принципа, согласно которому в каждой статье сначала помещаются общепринятые и распространенные значения, затем следуют устаревшие, разговорные и переносные значения и т. д. Х. Касарес совершенно справедливо критикует подобное распределение значений [16, с. 80].

тель источников), где при каждом наименовании указаны: дата создания текста или перевода, дата и литер рукописи или рукописей, легших в основу изданного текста, например, Мученичество св. Шушаники: Шуп, 475—484/X; А 95.

Следует подчеркнуть, что инструкция по составлению словаря используется нами творчески: каждая отдельная лексема требует индивидуального подхода, конкретный лексический материал определяет и построение словарной статьи.

Работа по подготовке словаря к публикации постепенно налаживается. Первый том уже находится в печати, параллельно идет подготовка трех следующих томов; соответственно созданы три рабочих группы. В каждую из них входят пять основных штатных работников и шесть работающих по договору. Руководитель группы является составителем тома. Члены группы дублируют отобранный в картотеке руководителем материал. Затем следует наиболее сложный этап — выделение значений и их толкование. Подготовленный материал составитель тома возвращает членам группы, которые раскладывают иллюстративный материал в хронологическом порядке. И наконец, следует сверка машинописного текста с источниками. Через год будет завершена подготовка второго, третьего, четвертого томов и начнется подготовка следующих трех книг. Издание всех десяти томов намечено закончить в 1991 г. Каждый том содержит 80 печатных листов.

Преимущество словарей подобного типа уже налицо: выявлено, в частности, большое число новых значений слова. Кроме того, выявлены весьма интересные фразеологизмы. Так, для слова *adgili* «место», которое имеет 11 значений, обнаружено около 30 фразеологизмов, например: *txemisa adgili* «лобное место, Голгофа», *adgili sitqysgebisaj* «возможность ответа» и др. Чрезвычайно полезен словарь и для раскрытия этимологии слов; он дает возможность выявить целый ряд иноязычных слов, встречающихся и в других языках.

Например, с целью выявления общих заимствований мы сверили лексический материал первых томов грузинского и русского исторических словарей на букву А. Налицо около ста общеупотребляемых слов, источниками которых являются в основном греческий и восточные (арабский, персидский, турецкий и др.) языки. Это прежде всего слова, относящиеся к области религии, культуры, науки, экономики, торговли и т. д.

На данном этапе мы приводим просто перечень общих слов (примеры из Словаря русского языка XI—XVII вв. [25] и Исторического словаря грузинского языка V — нач. XIX вв., находящегося в печати): др.-русск. *adamačь//adamantь//adamantь//adamitь//adamidь* «алмаз» — груз. *adama//adamas//adamanti//andamanti//adamantine* 1. «алмаз; магнит»; 2. «неодолимый, непобедимый; крепкий, как сталь», ср. греч. *ἀδάμας* *ad'amačos*; русск. *аеръ//аиръ* «небо; воздух; покров сосудов» — груз. *aeri//airi//haeri* «воздух; элемент», ср. греч. *ἀήρ*, *ἀέρος*; русск. *акафистъ//акафисто* «церковное песнопение во славу Христа, богородицы и святых» — груз. *akatišti//akatisto//akatišti*, ср. греч. *ἀκάθιστος*; русск. *алабастръ//алавастръ//оловастръ* «алебастр; сосуд для хранения ароматных веществ» — груз. *alabaštri//albaštri*, ср. греч. *ἀλάβαστρος*; русск. *алкионъ//алконостъ//алконостъ* «зимородок, морская птица» — груз. *alkyoni//alkuni//al-duni*, ср. греч. *ἀλκυόν*, *όνος*. Примечательно, что в эти языки одинаково проникла и греческая фразама, в которую входит это слово: русск. *алкионитские дни* «зимородковые дни» (14 тихих зимних дней, когда зимородки, по поверью древних греков, выют гнезда и откладывают яйца) —

груз. *alkyoniani dyeebi*, ср. греч. ἀλκυνόνειοι ἡμέραι; русск. *аметистъ* // *аметистъ* «аметист (драгоценный камень)» — груз. *ametysto/ametisto*, ср. греч. ἀμέτυστος; русск. *амвонъ* «возвышение в церкви перед алтарем» — груз. *ambioni*, ср. греч. ἀμβών; русск. *анкира* // *анкура* // *ажура* «якорь» — груз. *ankura*, ср. греч. ἄγκυρα/ἄγκυρη русск. *антипатъ* // *анфилинъ* «правитель, наместник» — груз. *antipatosi / antipatosi // antipato // antipatosi // antipati*, ср. греч. ἀντίπατος; русск. *антраксъ* // *анфраксъ* «драгоценный камень (рубин)» — груз. *antraki*, ср. греч. ἀνδραξ; русск. *аспидъ* «ядовитая змея» — груз. *aspiti // aspidi*, ср. греч. ἀσπίς, ἀσπίδος; русск. *абабъ* /// *обабъ* «грубое сукно; одежда из грубого сукна» — груз. *aba*, ср. араб. *abā*; русск. *абаса* // *обаса* «персидская серебряная монета» — груз. *abazi*, ср. перс. *abbāsī*; русск. *абдалъ* «дервиш» — груз. *abdali* «божий раб, святой», ср. араб. *‘abdallāh*; русск. *аваа* «отец» (о настоятеле монастыря, монахе-старце) — груз. *amba // anba // aba*, ср. евр. *abba*; русск. *аламъ* «украшение, металлическая бляха или кусок ткани, шитой жемчугом, пристегиваемое к верхнему платью» — груз. *alami* «знак на одежде или на флажке, флажок», ср. араб. *‘alam*; русск. *алача* «шелковая или бумажная полосатая ткань» — груз. *alaza* «пестрый», ср. турецк. *alasa*; русск. *алачуга* // *олачуга* «жилище у кочевников, палатка из войлочной ткани» — груз. *alacuxi // alacuxi*, ср. турецк. *alacik*; русск. *аммалъ* «носилищик, грузчик, слуга» (в странах мусульманского Востока) — груз. *amali*, ср. араб. *xattmāl*; русск. *аманатъ* // *оманатъ* «заложник» — груз. *amanati* «посылка», ср. араб. *‘atānat*; русск. *аракчин* // *аракчен* «шапочка, тибетейка» — груз. *araxč’in*, ср. турецк. *arakč’in*; русск. *аршинъ* «мера длины» — груз. *aršini*, ср. турецк. *aršin*; русск. *маймун* // *маймуна* «обезьяна» [48, с. 17] — груз. *maimuni*, ср. турецк. *tautun*.

Выявлен также ряд общепотребительных древнерусских и древнегрузинских слов. Слова, вошедшие в грузинский через русский, являясь поздними заимствованиями, относятся к концу XVII в. и к периоду установления особенно прочных взаимосвязей русского и грузинского народов (ср.: *arētiši, arsenali, arčikuli, arčeli, bunt'i* и др.). Из грузинского в русский перешло слово *азнауръ* «дворянин», от которого произведено прилагательное *азнаурский* «дворянский», засвидетельствованные в документах XVII в.

Представляется, что изучение такого рода материала будет способствовать уточнению некоторых общих принципов и закономерностей в области лексических заимствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джавахишвили И. А. Грузинская палеография. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
2. Церетели Г. В. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960, с. 73 (на груз. яз.).
3. Патаридзе Р. М. Грузинское письмо «Асомтаврули». Тбилиси, 1982, с. 56—70 (на груз. яз.).
4. Мачавариани Е. М. Графические основы грузинского алфавита. Тбилиси, 1982, с. 56—70 (на груз. яз.).
5. Алексидзе Э., Абрамишвили Г. Открытие в Арагвинском ущелье. — Коммунист, 1985, 19 мая (на груз. яз.).
6. История Грузии. Под ред. Каухчишвили С. Г. Т. I. Тбилиси, 1955, с. 26 (на груз. яз.).
7. Хронологическая история, составленная Отцом Мхитаром Вардапетом Аириванским. СПб., 1869, с. 384.
8. Вагушти. История Грузии Тбилиси, 1970, с. 309 (на груз. яз.).
9. Сарджвеладзе З. А. Введение в историю грузинского литературного языка. Тбилиси, 1984, с. 201—231 (на груз. яз.).

10. Шанидзе М. А. Введение Ефрема Мцире к Толкованию Псалтыря.— Тр. кафедры древнегрузинского языка Тбилисского Ун-та, 1968, XI (на груз. яз.).
11. Орбелиани С.-С. Письменное завещание: Словарь Грузинского языка. Т. I. Тбилиси, 1959, с. 25 (на груз. яз.).
12. Глонти А. А. Вопросы грузинской лексикографии. Тбилиси, 1983, с. 9—10 (на груз. яз.).
13. Имнайшвили И. В. Симфония-словарь к грузинскому Четвероголаву. Под ред. Шанидзе А. Г. Тбилиси, 1948—1949 (на груз. яз.).
14. Симфония-словарь к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», составленная под руководством А. Шанидзе с его же предисловием и исследованием. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
15. Ханмэтные тексты. Ч. I. Подготовка текста, исследование и симфония Каджая Л. Р. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
16. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
17. Vahr J. Le dictionnaire allemand.— In: Tavola rotonda sui grandi lessici storici (Firenze, 3—5 maggio, 1971). Firenze, 1973, p. 25—26.
18. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
19. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии.— ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, с. 117.
20. Грубачев О. Н. Историческая и этимологическая лексикография.— В кн.: Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984, с. 35.
21. Tollenaere F. L'etymologie dans le dictionnaire historique.— In: Tavola rotonda sui grandi lessici storici (Firenze, 3—5 maggio, 1971). Firenze, 1973.
22. Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? — В кн.: Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977, с. 6.
23. Чикобава А. С. Предисловие.— В кн.: Толковый словарь грузинского языка. Т. I. Тбилиси, 1950, с. 011 (на груз. яз.).
24. Горбачевич К. С. Словарь и цитата.— ВЯ, 1978, № 5, с. 14.
25. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. I. М., 1974.